

и отметила, что блокадный нарратив содержит звуки-символы разрушения и смерти (*скрип, скрежет, хруст, визг, лязг*), а тишина и беззвучие в поэтике Берггольц семантизированы по-разному: беззвучие противопоставлено звуку как смерть жизни.

В докладе «„Отставной лирик А. Крайский...“: дневник пролеткультовца» Т. А. Кукушкина (Санкт-Петербург) рассказала о творческой самоидентификации А. П. Крайского (наст. фам. Кузьмин), имевшего в первые пореволюционные годы репутацию «недужинного поэта» и занимавшего руководящие должности в пролетарских литературных организациях. Ссылаясь на дневниковые записи, исследовательница констатировала неприятие автором «машинной эстетики» и программы Пролеткульта, отвергающей личностное «я», а также отметила критический настрой поэта по отношению к власти большевиков и «политической» линии в искусстве. Она убедительно показала, что Крайский, который считал себя «символистом и романтиком», с самого начала был «внутренним эмигрантом» в пролетарской литературе (наряду с упоминаемыми в дневнике Вас. Александровским, М. Жижмором и др.), что только подчеркивает неоднородность Пролеткульта как институции.

Доклад Е. М. Аксененко (Санкт-Петербург) «О поэтах и поэзии в письмах Вс. Рождественского к М. Волошину: наблюдения комментатора» был построен на базе неопубликованных писем конца 1920-х — начала 1930-х годов. Поэтологическая тема в обширном и лишь частично опубликованном эпистолярном Рождественского занимает ключевое место. Письма к Волошину содержат размышления о природе поэтического творчества, соображения о текущем литературном процессе и читателе-современнике, а также культурной жизни города. В письмах Рождественского не только встречаются характеристики знаковых для времени авторов — А. А. Блока, В. В. Маяковского, Ф. К. Сологуба, К. Д. Бальмонта, Б. Л. Пастернака, И. Л. Сельвинского, но и упоминается малоизвестный сегодня автор — М. М. Казмичов, занимавший особое место в литературном поле 1920-х годов. Аксененко провела сравнительный анализ высказываний Рождественского о Блоке и Маяковском в эпистолярных и опубликованных мемуарных источниках и показала, что первоначальные впечатления, зафиксированные в письмах, были затем переработаны, беллетризованы с расчетом на широкую читательскую аудиторию для книги «Страницы жизни». По мнению исследовательницы, поэтологические высказывания Рождественского в эпистолярном жанре имеют самостоятельную ценность, несмотря на то что ряд тем и образов поэт использовал позднее в мемуарных очерках.

В сообщении Н. В. Семеновой (Санкт-Петербург) «„Салют, Мария!“ Г. Я. Бакланова и И. Е. Хейфица: динамика замысла — от текста к фильму» была реконструирована работа по созданию Г. Я. Баклановым и И. Е. Хейфицем литературного сценария к кинокартине «Салют, Мария!» («Ленфильм», 1971); от заявки на бытовую картину о ночном пожаре к «байопику», в основу которого легла биография революционерки и разведчицы М. А. Фортус. Докладчица опиралась на неопубликованные режиссерские тетради и письма И. Е. Хейфица к Г. Я. Бакланову, материалы из архивных фондов киностудии «Ленфильм» и показала, что в работе над сценарием были использованы издававшиеся в 1960-е годы мемуары и интервью участников Гражданской войны в Испании (воспоминания М. А. Фортус, А. Эйслера и др.), художественные тексты (стихотворения М. А. Светлова, Э. Г. Багрицкого, Н. А. Заболоцкого, М. И. Алигер, проза Э. Хемингуэя). Были также отмечены переклички сценария с «Испанским дневником» М. Е. Кольцова. Бакланов и Хейфиц столкнулись с различными трудностями в попытках воссоздать героический нарратив о судьбах поколения 1920-х годов. В частности, они рассматривали разные версии финала и в конечном счете отказались от документальной эстетики фильма, создав историческую мелодраму.

В научной дискуссии принимали участие М. В. Рождественская, Т. В. Игошева, М. С. Инге-Вечтомова, А. А. Шелаева, Н. А. Прозорова, Т. А. Кукушкина, Л. Г. Агамалян и другие. В заключительной части семинара А. А. Шелаева, как участница издания трехтомного Собрания сочинений О. Ф. Берггольц (Л., 1988–1990), поделилась своими воспоминаниями о ходе работы над проектом, ставшим важным этапом в изучении литературного наследия ленинградской поэтессы.

© Н. А. Прозорова

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-258-267

## ДНИ БОРИСА ЛЬВОВИЧА МОДЗАЛЕВСКОГО В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

2024 год был ознаменован для Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук несколькими юбилейными датами, чрезвычайно важными в его ис-

тории, — 225-летием со дня рождения А. С. Пушкина, 300-летием Академии наук, 125-летием академической Пушкинской выставки 1899 года и 150-летием со дня рождения Бориса Льво-

вича Модзалевского, личность и судьба которого органично соединили все эти юбилеи. Модзалевский был одним из организаторов выставки к 100-летию рождения Пушкина в стенах главного здания Императорской Академии наук, для которой впервые было собрано более 700 экспонатов и которая стала «колыбелью» будущего Пушкинского Дома. Он был учрежден в декабре 1905 года — «в благоговейную память о великом русском поэте», как значилось в «Положении о Пушкинском Доме», проект которого составлял Б. Л. Модзалевский. Отныне вся жизнь ученого была отдана этому учреждению, уникальному в академической структуре. «Самым главным своим *opus*’ом я считаю Пушкинский Дом, который, кажется, есть немаловажный факт в истории русской литературы, — писал он академику С. Ф. Платонову. — Отдавшись всецело этому труду в течение 25 лет, я полагал, что делаю полезное дело, о себе же не думал».

Юбилей основателя Института русской литературы РАН отметил мемориальными «Днями Бориса Львовича Модзалевского», которые прошли с 29 по 31 мая. Это событие стало своеобразным прологом к предстоящему в декабре 2025 года 120-летию со дня основания Пушкинского Дома.

Почетными гостями торжественного открытия «Дней Бориса Львовича Модзалевского» стали потомки основателя Пушкинского Дома. Собравшись в Большом конференц-зале Института приветствовала Татьяна Львовна Модзалевская. В последние годы благодаря щедрым дарам Татьяны Львовны архив ее деда, Б. Л. Модзалевского, пополнялся его личными вещами и документами. Швейцарские карманные часы Бориса Львовича — одна из таких реликвий. Они были отреставрированы к 150-летию со дня его рождения. Ход этих часов, воспроизведенный в видеопрезентации, стал символическим камертоном «Дней Бориса Львовича Модзалевского».

Первому поколению пушкинодомцев была посвящена научная конференция с международным участием «„Мой лучший *opus*“: Пушкинский Дом Б. Л. Модзалевского». На ней выступили филологи, историки, музейные, архивные и книжные хранители ИРЛИ РАН, Библиотеки РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Российской национальной библиотеки, Всероссийского музея А. С. Пушкина, Государственного музея А. С. Пушкина, Иркутского историко-мемориального музея декабристов. Были заслушаны доклады, как отразившие многообразную деятельность самого Б. Л. Модзалевского (пушкиниста, историка, генеалога, библиографа, архивиста, автора и многолетнего редактора «Русского биографического словаря», академического издания «Пушкин и его современники» и др.), так и представляющие результаты современных исследова-

ний неисчерпаемых собраний и коллекций Пушкинского Дома.

Первое научное заседание открылось докладом Т. И. Краснобородько (Санкт-Петербург) «„Смирненные цифры, незначащие слова...“: Евпраксия Вульф или Александр Пушкин? (Возвращение к отложенному сюжету)». Ученый хранитель рукописей Пушкина предложила слушателям архивное расследование, центром которого стал один из документов, пожертвованных Пушкинскому Дому в 1915 году бароном П. А. Вревским (сыном Евпраксии Вульф, тригорской соседки Пушкина, воспетой поэтом). Двойной лист, заполненный «с конца, с начала, и кругом» самыми разнообразными записями и сплошь покрытый рисунками, поначалу был зарегистрирован в учетных документах Рукописного отдела как черновой автограф Пушкина («В начале жизни мною правил...»), текст которого был повторен рядом рукой Е. Н. Вульф. Короткое время спустя рукопись утратила свой «автографический статус». По мнению Краснобородько, принадлежность одной из стихотворных записей руке Пушкина справедливо отвел Б. Л. Модзалевский, обладавший непостижимой архивной интуицией. Вследствие его переприписки интерес к рукописи из Вревского архива оказался утраченным. Однако пристальное ее изучение в контексте поступивших из Тригорского и Вревского архивов документов, которое предприняла Краснобородько, позволило сделать несколько важных экспертных наблюдений. Одно из них — неожиданная близость почерков юной Зизи и Пушкина, обманчивая по существу (этим во многом и объясняются далеко не единичные в архивной практике случаи атрибуции почерка Е. Н. Вульф как почерка Пушкина). Систематический просмотр этих архивов наметил еще одну линию «расследования». Она связана с рядом автографов Пушкина, относящихся к его михайловской ссылке. Эти рукописи (именно рукописи, не тексты!) будто написаны в некоем «соавторстве»: кто-то начинает запись, кто-то может ее продолжить или дополнить. Лист из Вревского архива, как оказалось, органично вписывается в контекст «соавторских» тригорских рукописей. В хаотическом сплетении слов и рисунков затерялись на этом листе ранее никем не замеченные «смирненные цифры», которые оставила рука одного из «соавторов» тригорского лета 1826 года — рука Пушкина. Это два подсчета. Один — количества стихов в 47 строфах четвертой главы «Онегина». Аналогичные вычисления нередки на полях «онегинских» черновиков и легко опознаются по множителю «14». Другие «смирненные цифры»: «600» и «3600» — фиксируют, по предположению исследователя, предварительный пушкинский расчет стихов в шести главах «Евгения Онегина», которые были к тому времени написаны. Кроме того, автографический статус документу возвращает и рисунок, сделанный пером поэта. Один из пейзажных набросков Т. И. Краснобородько атрибутировала Пушкину, сопоставив его с рисунками

поэта середины 1820-х годов. Так, выстроенная ею система доказательств позволила сделать вывод, что «забытая» рукопись из Вревского архива отмечена рукой Пушкина. Этот документ достоин, по мнению хранителя рукописей поэта, присоединения к корпусу автографов Пушкина.

В докладе Е. Р. Обатниной (Санкт-Петербург) «К вопросу о знаках „отличия“: эпизод из академической биографии Н. А. Котляревского» был проанализирован колоритный документ из личного архива первого директора Пушкинского Дома, свидетельствующий о его причастности к «тайному» обществу Обезьяны Великая и Вольная палата. В постреволюционные годы шуточная затея А. М. Ремизова, изначально задуманная для близких друзей, наполнилась новым содержанием, отразившим значительные события времени и культуры. Исследовательница раскрыла пресуппозицию «Голубой грамоты», выданной «академику Нестору Александровичу Котляревскому» из канцелярии мифического царя Асыки 30 марта 1921 года, вписав историю ее изготовления в хронику деятельности Дома Литераторов. Обатнина установила связь этого документа с двумя знаменательными мероприятиями Дома Литераторов — торжественным заседанием в честь 84-й годовщины со дня смерти Пушкина (11 февраля) и Пушкинским вечером 13 февраля. За немногим исключением, упомянутые в грамоте лица были непосредственными участниками февральских торжеств. Обозначив корреляции между ремизовской «обезьяней» контрверзой «изолгавшемся» человечеству и противостоянием творческой интеллигенции дореволюционной формации идеологическому прессингу советской бюрократии, Обатнина описала «Голубую грамоту» как документальное свидетельство духовного союза представителей академической науки и литературы. Центральное место в семантическом ареале обезьяньего «знака отличия» Котляревского, по мнению исследователя, занимает пушкинский смыслообраз «тайная свобода», который был актуализирован в двух произведениях А. А. Блока — стихотворении «Пушкинскому Дому» и речи «О назначении поэта», непосредственно написанных по заказу организаторов так называемых февральских поминок в Доме Литераторов.

А. В. Востриков (Санкт-Петербург) в докладе «Н. А. Котляревский и Е. П. Казанович: академик и бестужевка (по архивным материалам)» представил неизвестный эпизод из биографии первого директора Пушкинского Дома. В 1911 году Н. А. Котляревский привлек обратившуюся к нему за помощью слушательницу Бестужевских курсов Е. П. Казанович к описанию книг, пожертвованных в Академию наук, и в течение последующих 18 лет ее судьба оказалась неразрывно связана с Пушкинским Домом и его первым руководителем. Материалы из личного архива Казанович, находящегося в Публичной библиотеке (дневники, письма, стихотворения), позволяют проследить исто-

рию становления Дома, передают дружескую атмосферу веселых бесед и обмена шуточными посланиями, в которой формировались традиции солидного академического учреждения, — вплоть до трагических перемен второй половины 1920-х годов. Востриков познакомил слушателей с поэтическим опусом Казанович, в котором выразились ее переживания в связи с отъездом Котляревского за границу осенью 1922 года. Сохранив на всю жизнь благоговейную признательность учителю, Казанович после смерти Н. А. Котляревского стала его первым биографом и библиографом; ею же было составлено описание архива академика, который он завещал Пушкинскому Дому незадолго до смерти.

Отправной точкой для доклада Т. М. Двинятиной (Москва) «Одно письмо из многих: Н. А. Котляревский в зарубежной командировке 1922–1924 годов» стало первое после отъезда из Петрограда в ноябре 1922 года письмо директора Пушкинского Дома к Б. Л. Модзалевскому. Волею случая Котляревский стал пассажиром парохода «Пруссия», который вошел в историю под именем «философского»: на нем была выслана из России большая группа ученых, неудобных советской власти. Письмо было написано в Софии 10 декабря 1922 года. Оно содержит яркое описание пути и первых недель пребывания в Германии, которые пришлось на период самоопределения русских эмигрантов в новой исторической и культурной реальности. Положение Котляревского, покинувшего Россию добровольно и временно, по служебному заданию (прежде всего для возобновления отношений с А. Ф. Онегиным с целью передачи его собрания в Пушкинский Дом) и личным обстоятельствам (необходимость развода с первой женой В. В. Котляревской, урожд. Пушкиревой), существенно отличало его от изгнанных и оставляло ему позицию сочувствующего и вместе с тем иронического наблюдателя. Последующие письма Котляревского из-за границы отражают его интересы и занятия до возвращения в Россию в июне 1924 года (среди них главное место принадлежало работе над книгой «Пушкин как историческая личность») и позволяют сопоставить их с тем кругом забот, которыми были заняты в Петрограде «во Пушкине трудящиеся». Последний год совместной работы Модзалевского и Котляревского (до смерти последнего 12 мая 1925 года), насыщенный научными планами и делами по устройству Пушкинского Дома, закрепил в исторической памяти имена первого директора и первого старшего ученого хранителя как главных создателей всего, на чем и доныне стоит Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

В кратком сообщении «Из воспоминаний о Пушкинском Доме» С. А. Фомичев (Санкт-Петербург) проблематизировал, в частности, дату основания учреждения. Один из старейших сотрудников Института предположил, что исчисление истории Пушкинского Дома от даты принятия решения о его создании (15 де-

кабря 1905 года) закрепились исключительно благодаря инициативе В. Г. Базанова, одного из директоров Института и редактора коллективного труда «50 лет Пушкинского Дома» (1956). Фомичев отметил, что в своем административном стремлении «ускорить» юбилейные почести Институту Базанов проигнорировал другую важную дату — 28 февраля 1907 года, когда в Комиссии по возведению памятника Пушкину было принято «Положение о Пушкинском Доме», которое 14 июля того же года утвердил Николай II. В ходе возникшей дискуссии Т. И. Краснобородко привела аргументы в пользу исторически утвердившейся даты «рождения» Пушкинского Дома. Об этом свидетельствуют, по ее мнению, и официальные документы, отложившиеся в делопроизводственном архиве Института, и тот факт, что личная библиотека Пушкина — краеугольный камень Пушкинского Дома — была приобретена для него весной 1906 года, больше чем за год до затгнувшегося согласования «Положения о Пушкинском Доме» и его высочайшего утверждения.

В докладе А. А. Хробостовой и Я. В. Слепкова (Санкт-Петербург) был представлен обзор автографов Б. Л. Модзалевского, отложившихся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Первая часть доклада была посвящена взаимодействию Модзалевского с Публичной библиотекой, которое выразилось прежде всего в пополнении ее фондов (с 1896 по 1912 год ученым было подарено библиотеке 235 книг и 4 рукописи). Единственный изобразительный материал с атрибутивным автографом Б. Л. Модзалевского — фотография конца 1850-х годов, на которой изображены студент историко-филологического факультета Петербургского университета Лев и ученик Третьей Петербургской гимназии Константин Модзалевские, отец и дядя Бориса Львовича. Подавляющую часть его автографов, сохранившихся в Отделе рукописей РНБ, представляют деловые и личные письма (75 писем), которые отражают самые разные направления профессиональной деятельности ученого. Среди адресатов Б. Л. Модзалевского — артист П. З. Андреев, писатель П. В. Быков, историк войны 1812 года К. А. Военский, историк права М. А. Дьяконов, директор Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, пушкинист-любитель Н. Н. Кузнецов, композитор С. М. Ляпунов, академик С. Ф. Платонов, редактор А. В. Половцов, художник М. В. Рундальцов, директор Санкт-Петербургской почты Е. Н. Чаплин, коллекционер Э. П. Юргенсон, библиографы В. М. Лосев, П. А. Картавов и Е. П. Казанович, краеведы П. Н. Столпянский и В. М. Федоров, филологи П. А. Горчинский, И. В. Помяловский, А. Н. Пыпин и Н. О. Лернер. Разнообразен и тематический репертуар этих писем: подготовка «Русского биографического словаря», организация Пушкинского Дома, приобретение рукописей Пушкина у антиквара Ф. Г. Шилова и коллекционера А. Ф. Онегина, организация выставок, посвященных М. В. Ломоно-

сову, И. С. Тургеневу и Н. А. Некрасову. Письмо С. М. Ляпунову, написанное в связи со смертью от тифа сына композитора — Юрия, особенно выделяется среди прочих.

Научная программа первого дня конференции завершилась докладом В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург) «„Последний из могокан на страже усадебных портретов и фамильных архивов Пушкинского Дома“: Б. Л. Модзалевский в воспоминаниях Ю. Г. Оксмана». С опорой на эпистолярный (письма Оксмана к Модзалевскому, переписка Модзалевского и П. Н. Сакулина) исследователь реконструировал отношения двух историков литературы, которых традиционно относят к разным поколениям Пушкинского Дома. Докладчик убедительно показал, что Оксман, фактически руководивший институтом в 1934–1936 годах, неразрывно связан с первым поколением пушкинодомцев. Круг совместных проектов ученого хранителя Пушкинского Дома и молодого доцента Ленинградского университета, недавно вернувшегося из Одессы, очерчивается тремя изданиями середины 1920-х годов: историко-литературным временником «Атеней», судьба которого оказалась немногим более счастливой, чем судьбы «Литературных листков» и «Литературных портфелей» — аналогичных изданий, задуманных пушкинодомцами; а также двумя сборниками — «Декабристы. Неизданные материалы и статьи» и «Декабристы. Отрывки из источников». Несмотря на «горячность молодого редактора», Модзалевский отмечал, что работать с Оксманом ему «очень даже приятно». Об их сугубо деловых, но вместе с тем не лишенных теплоты отношениях свидетельствуют письма Оксмана к Модзалевскому. Этикетные формулы, которыми они завершаются: «Душевно Ваш», «Весь Ваш», — уникальны для его обширного эпистолярия. Доминантой доклада стал отклик Оксмана на смерть Модзалевского в письме к Н. К. Пиксанову от 11 апреля 1928 года. Это личное высказывание во многом отличается от посмертных публичных выступлений коллег Модзалевского — М. Д. Беляева и Н. В. Измайлова. В нем есть нескрываемый упрек людям, окружавшим Бориса Львовича. В этом письме ярко отразился характер Оксмана: горечь утраты сочетается в нем с практичностью и деловой хваткой молодого ученого и политика. На фоне смерти Модзалевского и разногласий между академическими и партийными функционерами он, будто предчувствуя будущие потрясения, ставит ребром вопрос о дальнейшей судьбе Пушкинского Дома.

Второй день конференции открылся докладом В. Е. Багно (Санкт-Петербург) «Личная библиотека и геополитические интересы Пушкина». В нем был представлен концептуальный взгляд на книжное собрание поэта, которое, по мнению исследователя, является преимущественно «геополитическим» (книги исторической, географической, политической тематики). Докладчик отметил, что библиотека Пушкина отличалась от писательских библиотек

его современников тем, что значительное место в ней занимали разделы, посвященные странам и народам мира, их географии, истории, обычаям, культуре, в том числе путевым заметкам паломников, путешественников, торговцев, авантюристов. Багно показал, что наряду с неослабевавшим интересом поэта к истории и культуре стран Западной Европы, выраженным в подборе изданий соответствующей тематики, Пушкин уделял все большее внимание книгам о странах и регионах, определявших в разное время геополитический вектор в истории России: так на книжных полках поэта появлялись тома о Кавказе, Польше, Турции, Монголии.

В докладе «Пушкин и И. Е. Великопольский в 1829 году» А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург) поднял вопрос о датировке пушкинской эпиграммы «Поэт-игрок, о, Беверлей-Гораций...», направленной на Великопольского. Последний был бесталанным поэтом и неудачливым игроком, который, тем не менее, считал себя равновеликим Пушкину и обменивался с ним поэтическими колкостями. В 1857 году П. В. Анненков извлек из архива Пушкина неоконченную эпиграмму, которую датировал 1829 годом, временем пребывания поэта на Кавказе. Позднее П. О. Морозов связал эту эпиграмму с Великопольским, а П. И. Зиссерман опубликовал его послание «Поэту-эпиграмматисту», датированное 11 апреля 1829 года, предположив, что оно является ответом на пушкинскую эпиграмму. Гипотеза Зиссермана показалась настолько убедительной, что даже когда было выявлено, что черновик пушкинской эпиграммы находится в одной из рабочих тетрадей поэта среди записей поздней осени 1829 года, Т. Г. Цявловская предположила, что это перебранный текст, а первоначальный набросок до нас не дошел. Таким образом, в пушкиноведении закрепилась датировка эпиграммы «Поэт-игрок, о, Беверлей-Гораций...» первой половиной апреля 1829 года. Докладчик оспорил эту точку зрения, показав, что, когда Великопольский писал свое послание, он не знал ни имени упомянутого «поэта-эпиграмматиста», ни его предполагаемой эпиграммы. Балакин предположил, что пушкинская эпиграмма является откликом на чрезвычайно резкий поэтический памфлет Великопольского «Панорама света» (датирован 17 ноября 1829 года), в котором был задет и Пушкин. Кроме того, сам автограф пушкинской эпиграммы свидетельствует о спонтанном появлении текста, и нет оснований считать, что ему предшествовал какой-то другой набросок. Таким образом, эпиграмму «Поэт-игрок, о, Беверлей-Гораций...» следует датировать по положению в тетради не ранее ноября 1829 года.

Доклад А. С. Бодровой (Москва / Санкт-Петербург) был посвящен сюжету, связанному с одной из первых исследовательских статей Б. Л. Модзалевского, — литературным отношениям Пушкина и забытого литератора Е. П. Люценко, известного в свое время поэта и переводчика, одного из основателей Вольно-

го общества любителей российской словесности. В 1835 году Пушкин выступил издателем переведенной Люценко архаично-нравоучительной стихотворной сказки К. М. Виланда «Вастола, или Желание». При этом на обложке было указано только имя издателя Пушкина, что породило неприятную для поэта журнальную полемику. В своем сообщении докладчица уточнила ряд фактических сведений об этом довольно загадочном издании, а также очертила место этого предприятия в ряду пушкинских издательских проектов 1834–1836 годов. В этот период Пушкин выпустил в свет несколько собственных книг и выступил (или планировал выступить) издателем авторов, находившихся на периферии литературного поля или даже вне его (В. К. Кюхельбекер, Н. А. Дурова и др.). В связи с этим Бодрова высказала мысль, что Пушкину было важно оценить возможность капитализации собственного имени как издателя, поэтому «Вастола» могла сыграть роль «пробного шара» в перспективе организации собственного журнала «Современник». С книгопродавческими расчетами, вероятно, была связана задержка издания, которое появилось в продаже только в самом конце декабря 1835 года. При этом докладчице удалось выявить экземпляры «Вастолы» не только с 1836-м, но и с 1835 годом на титульном листе (последние могут быть либо первой частью тиража, либо цензурными экземплярами).

В. А. Лукина и В. И. Симанков (Санкт-Петербург) представили совместный доклад под названием «„Несколько слов о современной поэзии“ (1837): Кто сен-симонствовал в пушкинском „Современнике“?». Объектом исследования докладчиков стала статья, напечатанная под псевдонимом В. Единичкий в одном из томов «посмертного» «Современника» (1837. Т. 8. [№ 4]). Первая часть доклада была посвящена вопросу об авторе загадочной публикации. Им, по разысканиям Лукиной и Симанкова, оказался В. Г. Тепляков. Главным доказательством стал беловой автограф статьи, хранящийся в архиве Теплякова (в 1917 году его пожертвовал в Рукописный отдел Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский). Во второй части доклада был рассмотрен вопрос об источниках статьи В. Единичкого (В. Теплякова). Как показал детальный анализ, значительная часть статьи в «Современнике» представляет собою прямые или скрытые извлечения из двух книг: «Doctrine de Saint-Simon» и «Religion Saint-Simoniennne», которые имелись у автора «Нескольких слов...» в брюссельском переиздании 1831 года. Кроме того, в своей работе Тепляков использовал сочинения Балланша, Сент-Бева, Мальт-Брюна и Шатобриана. Статья изобилует цитатами из Ж. Жанена, Бальзака, Ш. Нодье, Сенанкура, мадам де Сталь, Э. Сю, А. де Виньи, К. Мармье и многих других авторов. В ней встречаются, наконец, извлечения из сочинений Метьюрина, Байрона, Гете и Сильвио Пеллико, изданных во французском переводе. Неоценимую помощь при установлении источников статьи В. Единичкого оказали черновые

материалы из архива самого Теплякова. Тщательный их анализ позволил прийти к выводу, что статья В. Единичного в пушкинском «Современнике» представляет собой бесконечный цитатный коллаж, в котором при ближайшем рассмотрении порою отсутствуют даже логические звенья. Под личиной В. Единичного исследователи «обнаружили автора, как кажется, полностью зависимого от чужих мыслей; автора, испытывающего неконтролируемый страх перед собственной речью; автора, не способного сказать ни слова, если только это слово не извлечено из какой-либо книги». В заключительной части докладчики поставили закономерный вопрос о терминологическом определении «метода» Теплякова и возможности употребления в этом контексте термина «цитата». Цитата, как известно, предполагает сохранение оригинального смысла — у Теплякова этого нет. Он не «цитирует» иностранный оригинал в классическом смысле этого слова, но выбирает из него ту или иную последовательность слов, почему-либо пленившую его ум. Таким образом, в случае Теплякова мы имеем дело с явлением, которое можно было бы назвать распадом цитаты или квазичитатой, явлением, весьма незаурядным в отечественной и, возможно, мировой словесности.

Серию сообщений с архивными «загадками» открыл доклад Л. Е. Мисайлиди (Санкт-Петербург) «„...В знак дружбы“: подарок Жуковского неизвестной». В центре внимания автора оказался альбом из собрания Литературного музея Пушкинского Дома, который украшают офорты В. А. Жуковского с видами Швейцарии. Дарительная надпись поэта сохранилась в альбоме фрагментарно, без имени адресата. Однако наличие даты стало ключом, облегчившим поиск владельца альбома. Изучив круг общения Жуковского в этот период, Мисайлиди остановила свое внимание на фрейлине императрицы Марии Федоровны Н. Ф. Плещеевой (1768–1855) и проследила связи поэта с семейством Плещеевых, его тесное общение с фрейлиной в Павловске. Во время поездки 1821 года в Швейцарию Жуковский по просьбе Плещеевой побывал в деревне Ассан (Assens), где была похоронена ее дочь Мария, и сделал рисунок, представленный в альбоме в виде офорта. Это, по мнению Л. Е. Мисайлиди, одно из убедительных свидетельств, что именно Н. Ф. Плещеева была той «неизвестной», которой Жуковский подарил альбом.

О любопытном книжном экземпляре рассказал Н. С. Беляев (Санкт-Петербург) в сообщении «Загадка трех автографов: Из истории коллекции отдела БАН при Институте русской литературы». В фонде Пушкинского кабинета Отдела БАН при ИРЛИ РАН в ходе плановой научной работы по выявлению изданий из частных библиотек он обратил внимание на каталог грандиозной парижской выставки «Пушкин и его эпоха», посвященной 100-летию со дня смерти поэта. Ее посетили многие видные отечественные и европейские писатели, художники, философы, политические деятели,

среди которых был и Ф. И. Шаляпин. В число организаторов выставки, кроме С. М. Лифаря, входили А. Н. Бенуа и коллекционер А. К. Семенченков. В собрании последнего и находился поступивший в библиотеку ИРЛИ в составе собрания Л. Б. Варсано каталог выставки «Пушкин и его эпоха» с тремя дарственными надписями — Лифаря, Шаляпина и Бенуа. Благодаря воспоминаниям Лифаря удалось полностью восстановить историю их появления на этом издании и ввести в научный оборот ранее неизвестный документальный материал.

Еще один «детективный» сюжет — об «Онегине, Бурцеве и спецхране» — представила Л. А. Тимофеева (Санкт-Петербург). В. Л. Бурцев был многолетним корреспондентом и собеседником А. Ф. Онегина, создателя Пушкинского музея в центре французской столицы. В 1919–1921 годах в Париже, оказавшись в эмиграции, Бурцев занялся изданием сочинений русских классиков, пользуясь книгами из собрания Онегина. В эту работу был вовлечен и сам Онегин — как собеседник, редактор и читатель, несогласный с редакторским произволом Бурцева. Издания Грибоедова, Крылова и Радищева с дарительными инскриптами издателя Онегину сохранились в библиотеке Пушкинского Дома, несмотря на то, что в течение многих лет издания, отмеченные именем последовательного и яростного противника советской власти, подлежали изъятию из государственных книжных хранилищ. Среди раритетов библиотеки А. Ф. Онегина особенную ценность представляли «Воспоминания о Пушкине И. А. Хлестакова», которые Бурцев издал в единственном экземпляре осенью 1919 года. Л. А. Тимофеевой удалось восстановить историю этого книжного уникала до 1935 года, когда книга была передана в спецхран Библиотеки Академии наук. С этого времени ее судьба неизвестна.

Сообщение Л. К. Хитрово (Санкт-Петербург) «Незавершенная работа В. Л. Модзалевского по издательскому проекту „М. и С. Сабашниковых“» было посвящено работе В. Л. Модзалевского над биографией А. П. Керн, итогом которой стала его книга «Анна Петровна Керн. По материалам Пушкинского Дома» (1924). Докладчица критически рассмотрела заключительную главу «Выход Керн замуж за Маркова-Виноградского», признав ее незавершенной, и дополнила труд Модзалевского ценными сведениями из архива А. П. и А. В. Марковых-Виноградских. Так, ей удалось дать иное, чем у В. Л. Модзалевского, истолкование карандашного рисунка с видом комнаты Керн (из коллекции П. Я. Дашкова). Опираясь на мемуары А. П. и А. В. Марковых-Виноградских, Хитрово пришла к выводу, что автором рисунка был сам Александр Васильевич, который запечатлел вид комнаты своей жены на Васильевском острове, где он был «полно счастлив» (Модзалевский же полагал, что рисунок неизвестного художника относится ко времени проживания Керн на Дворянской улице Петроградской стороны). В завершение Хитрово рас-

сказала о заграничных поездках Марковых-Виноградских 1860-х годов, предположив, что в память о первом посещении супругами Германии в «черном альбоме» Керн появился рисунок с изображением постового солдата прусской армии.

В сообщении Н. Ф. Мусабировой (Иркутск) «Роль Бориса Львовича Модзалевского в сохранении и популяризации архива князей Волконских» был представлен обзор эпистолярных материалов, опубликованных в первом и единственном томе «Архива декабриста С. Г. Волконского», вышедшем в 1918 году под редакцией С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского. Докладчица проследила историю обнаружения и публикации архива, подчеркнув особую роль Б. Л. Модзалевского как комментатора писем Г. С. Волконского, составляющих большую часть первого тома. Доклад завершился информацией о планах продолжения издания «Архива Волконских» силами Иркутского музея декабристов.

Главный хранитель Государственного музея А. С. Пушкина Е. А. Усова (Москва) в сообщении «История одного музейного экспоната» представила экземпляр 2-го издания книги Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина», который принадлежал Б. Л. и Л. Б. Модзалевским. В разобранный блок книги было искусно вшито около 150 чистых листов, впоследствии плотно заполненных комментариями обоих пушкинистов, журнальными и газетными вырезками. Заметки на полях издания дают исчерпывающее представление о работе ученых по усовершенствованию хроники жизни Пушкина, составленной Н. О. Лернером. Усова подчеркнула: раритетный музейный экземпляр имеет исключительное мемориальное значение. История происхождения и бытования книги позволила сделать заключение, что именно этот экземпляр имела в виду Т. Г. Цявловская, когда в предисловии к первому изданию «Летописи жизни и творчества Пушкина» писала: «Считаю своим долгом отметить постоянное дружеское участие покойного Л. Б. Модзалевского, предоставившего нам для контроля экземпляр „Трудов и дней Пушкина“ Н. О. Лернера со своими поправками».

С. А. Ипатова (Санкт-Петербург) представила доклад «Конашевич vs Агин: послесловие Б. Л. Модзалевского к изданию повести И. С. Тургенева „Помещик“ (1922)». Интрига предложенного ею сюжета состояла в том, что к книге, снабженной иллюстрациями известного графика В. М. Конашевича, было приложено обширное послесловие Б. Л. Модзалевского «Тургенев и его иллюстратор Агин». Большую его часть Модзалевский посвятил трагической судьбе «даровитого художника», отметив при этом, что иллюстрации А. А. Агина к раннему произведению Тургенева, опубликованному в некрасовском альманахе «Петербургский сборник» (1846), «прошли почти незамеченными», и назвал предпринятое им переиздание «Помещика» «скромной попыткой» воздать должное памяти художника. Между

тем в книге 1922 года не было напечатано ни одного рисунка Агина. Этот очевидный парадокс докладчица объяснила тем, что первоначальная идея воспроизвести первое издание тургеневской повести в стихах уступила в процессе работы (вероятно, по причине типографских трудностей) место замыслу о параллельной подаче работ двух иллюстраторов, Агина и Конашевича, однако и этот проект не был осуществлен. Издание «Помещика», увидевшее свет с иллюстрациями Конашевича в традициях позднего «Мира искусства», было высоко оценено художественной критикой 1920-х годов и считается одним из наиболее удачных образцов ранней советской полиграфии, менявшей прежние коренные принципы иллюстрирования произведений художественной литературы.

Второй день конференции завершился сообщением Е. С. Левшиной (Санкт-Петербург) «Пирожные „вприглядку“: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском». Его основу составил комплекс материалов Я. Н. Ждановича, отложившихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Востребованный в 1920–1930-е годы архивист и генеалог, Я. Н. Жданович начинал свой путь в профессию рядом с Б. Л. Модзалевским и считал себя его учеником. В 1909–1913 годах они трудились плечом к плечу в Архиве Конференции Академии наук и, несмотря на разницу в возрасте, быстро стали не только коллегами, но и близкими по духу и убеждениям друзьями. Об этом свидетельствуют, прежде всего, воспоминания Ждановича об основателе Пушкинского Дома, написанные в ответ на просьбы «милого Левушки» — Л. Б. Модзалевского, а также письма Ждановича к отцу и сыну Модзалевским. Эти документы, представляющие собой важный биографический источник, проникнуты бережным отношением Ждановича к памяти своего старшего коллеги и друга. Эпизоды из жизни Модзалевского, сохраненные им, раскрывают внутреннюю красоту «особенного человека, обладавшего особенными качествами», помогают почувствовать обаяние «живого» Бориса Львовича, которого он знал и любил.

Докладом И. В. Тункиной (Санкт-Петербург) «Б. Л. Модзалевский во главе Архива Конференции Императорской Академии наук» открылся третий, заключительный день работы конференции. Директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН осветила многогранную деятельность Б. Л. Модзалевского в качестве архивариуса академического Архива (1907–1912) и его заведующего (1912–1921). Привлечению Модзалевского к разбору драгоценных архивных материалов XVIII — начала XX века способствовал непрменный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург, который в 1904 году обратил внимание Конференции на бедственное положение архива. За короткое время (меньше четырех лет) Модзалевский составил более 8 тысяч карточек с описаниями архивных материалов. Первые результаты его работы по систематизации архива нашли отражение в подготовленном им «Списке членов Импера-

торской Академии наук, 1725–1907», который существенно дополнил предыдущий труд архивариуса Архива Конференции В. П. Шемиота. В 1910 году Модзалевский описал все выявленные им рукописи петербургского академика Леонарда Эйлера. В процессе подготовки выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» (1912) он составил каталог дел академической Канцелярии за 1735–1765 годы и выявил документы о жизни и деятельности М. В. Ломоносова. В дни Февральской революции 1917 года Б. Л. Модзалевский спасал архивы разгромленных правительственных учреждений, дворянских усадеб, дворцов знати и квартир крупных чиновников, стимулировал правительственные органы и частных лиц к передаче своих документальных и книжных собраний в Академию наук на постоянное или временное хранение. Тункина подчеркнула, что на протяжении долгих лет Модзалевский одновременно занимался административными и научными делами двух учреждений — Архива Конференции и Пушкинского Дома, где с июля 1919 года он был старшим ученым хранителем. Однако только в октябре 1921 года Б. Л. Модзалевский освободился от заведования Архивом и до конца жизни безраздельно служил своему детищу — Пушкинскому Дому.

Доклад М. П. Лепехина (Санкт-Петербург) «Б. Л. Модзалевский и Императорское Русское историческое общество» был посвящен взаимоотношениям ученого с его членами (Г. Ф. Штендманом, А. А. Половцовым, В. И. Саитовым и др.). Сотрудничество Б. Л. Модзалевского с Русским историческим обществом началось на рубеже веков, однако действительным его членом он был избран значительно позднее — в 1912 году, в председательство великого князя Николая Михайловича. Особое внимание докладчик уделил трудам Модзалевского в качестве редактора «Русского биографического словаря». В деятельности Общества ученый участвовал вплоть до его самоликвидации в 1920 году. Лепехин подчеркнул, что в судьбе Бориса Львовича Русское историческое общество занимало не менее значимую роль, чем Архив Конференции Академии наук или Пушкинский Дом (хотя попытка возродить Общество, предпринятая С. Ф. Платоновым в 1922 году, не встретила сочувствия Модзалевского).

В докладе «История в ящике стола» Л. В. Герашко (Санкт-Петербург) рассказала о двух письмах Д. Я. Дашкова, брата известного коллекционера П. Я. Дашкова, к директору Русского Исторического музея в Москве князю Н. С. Щербатову. Эти письма пролежали в закрытом ящике мемориального стола академика А. А. Шахматова более 70 лет, прежде чем были обнаружены Г. М. Прохоровым. Оба письма, датированные 1919 годом, имеют завещательный характер и написаны ввиду возможной «преждевременной или насильственной смерти» корреспондента. В одном из них, с пометой «доверительно», Д. Я. Дашков излагает условия, на которых он согласен уступить собрание исторических гравюр музею, и сооб-

щает ряд сведений, являющихся ценным дополнением к послереволюционной истории собрания П. Я. Дашкова. Впрочем, по мнению Герашко, главная цель этого письма — рассказать о своем брате, судьба которого в трагические годы оказалась связанной с Пушкинским Домом, и о той роли, которую сыграл в его жизни Б. Л. Модзалевский.

Тема богатейшего дашковского архива получила развитие в сообщении А. В. Дубровского (Санкт-Петербург) «Пушкинские материалы в собрании П. Я. Дашкова». Жемчужиной уникальной коллекции изобразительных материалов и документов по истории культуры и общественной жизни России XVIII–XIX веков петербургского мецената и библиографа П. Я. Дашкова были 19 автографов А. С. Пушкина. Согласно завещанию, после смерти коллекционера в 1910 году его брат, Д. Я. Дашков, передал их в Пушкинский музей Александровского лицея вместе с тетрадью, содержащей списки 83 стихотворений Пушкина, поэмы «Гавриилада» и отрывка из «Каменного гостя». Докладчик предпринял попытку осветить историю приобретения этих рукописей на основании записей, счетов и деловых писем, содержащихся в нескольких десятках переплетенных тетрадей, которые хранятся в фонде П. Я. Дашкова в ИРЛИ. Так, ряд автографов Пушкина был приобретен коллекционером в 1878 году в составе архива поэта и переводчика М. Е. Лобанова у его сына. Сохранился также счет антикварного магазина русских и иностранных книг И. Г. Мартынова за «59 автографов русских», согласно которому за рукописи Пушкина Дашков заплатил столько же, сколько за Державина и Булгарина вместе взятых.

В докладе Е. В. Кочневой (Санкт-Петербург) «Б. Л. Модзалевский в ряду исследователей портретного собрания Императорской Академии наук» была отмечена особая роль Академии в области изучения и публикации произведений отечественной иконографии XVIII–XIX веков. Главный хранитель Литературного музея Пушкинского Дома рассказала о трудах известных искусствоведов, собирателей и знатоков русских портретов — П. Н. Петрова, А. А. Васильчикова и Д. А. Ровинского, подчеркнула важную роль в изучении академической портретной галереи неперменного секретаря Императорской Академии наук академика К. С. Веселовского, управляющего канцелярией Конференции Академии наук искусствоведа А. И. Сомова и архивариуса Академии, художника В. П. Шемиота. Исследовательницей был проведен сравнительный анализ публикаций Б. Л. Модзалевского, посвященных истории портретной галереи Академии наук, и выявлена связь с работами его предшественников, прежде всего Шемиота и Ровинского. Отдельное внимание Кочнева уделила истории передачи коллекции академических портретов из Правления Академии наук в Пушкинский Дом в 1920–1930-е годы, а также роли Б. Л. Модзалевского и других сотрудников Института в этом процессе.

Доминантной темой заключительного заседания конференции вновь стала история артефактов. О книгах из собрания библиотеки Всероссийского музея А. С. Пушкина, связанных с именем Б. Л. Модзалевского, рассказали М. В. Бокариус (Санкт-Петербург) и И. А. Меньшова (СПб). У истоков музейной библиотеки, созданной, как и сам Музей, в 1953 году на базе фондовых собраний Пушкинского Дома, оказалась многолетняя сотрудница Пушкинского Дома Л. Г. Гринберг. Ее стараниями поступили в Музей книги из библиотеки братьев Тургеневых и Лицейской библиотеки, а также целый ряд брошюр и книг из собрания А. Ф. Онегина, которые были сняты с учета в Библиотеке Академии наук как дублетные экземпляры. В 1995 году сотрудники библиотеки Всероссийского музея А. С. Пушкина издали сборник «Иду вдоль книжных полок» — о книжных редкостях из собрания музейной библиотеки. Особый раздел в нем посвящен автографам пушкинистов: в описание вошло 249 книг, почти все они вышли из стен Пушкинского Дома. Среди них — 28 изданий с дарительными инскриптами Б. Л. Модзалевскому, а также 7 книг, подаренных им С. А. Венгерову, С. Ф. Ольденбургу, Г. П. Блоку, А. Ф. Кони, Н. П. Лихачеву, Е. Ф. Карскому. Докладчики отметили особую роль Л. Г. Гринберг в формировании экспозиции последнего кабинета поэта в доме на набережной Мойки: на протяжении нескольких десятилетий, в буквальном смысле слова с каталогом Б. Л. Модзалевского в руках, она подбирала дубликаты книг личной библиотеки Пушкина.

В сообщении Е. В. Старинковой (Санкт-Петербург) шла речь о реликвиях из фондов Всероссийского музея А. С. Пушкина. Она подчеркнула, что многие предметы, хранящиеся сегодня в Музее, в свое время поступили в Пушкинский Дом при непосредственном участии Б. Л. Модзалевского. В их числе — серебряный ковшичек на длинной ручке, в котором Евпраксия Вульф варила жженку для Пушкина, Языкова и Вульфа, спасенные из мусорных завалов портреты Дж. Фильда и М. С. Воронцова, прибор рубинового стекла и нож для разрезания бумаги. Две последние реликвии были переданы Б. Л. Модзалевским как душеприказчиком писателя И. Л. Леонтьева-Шеглова, о котором В. Розанов сказал однажды, что «сквозь вещи он любил людей». По мнению Старинковой, эти слова с полным правом можно отнести и к создателю Пушкинского Дома.

История еще одного музейного экспоната была освещена в докладе Е. В. Пролет и Т. Е. Павловой (Санкт-Петербург) «„Мне удалось спасти его...“: Петр Иванович Зиссерман и скульптурный портрет Пушкина работы Б. М. Кустодиева». Созданная в 1909 году, скульптура экспонировалась на VII выставке Союза русских художников в Петербурге (1910), где привлекла внимание П. И. Зиссермана. Весной 1916 года он приобрел этот гипсовый портрет у художника и сумел сохранить его в годы революционного лихолетья. Весной 1927 года Зиссерман

выразил желание получить письмо Кустодиева, которое могло бы подтвердить его авторство. Соблюдение этой формальности для Зиссермана, завещавшего бюст Пушкинскому Дому, было крайне необходимо. Его жизнь оборвалась в 1931 году: потомственный дворянин, офицер, сотрудник Пушкинского Дома П. И. Зиссерман был осужден по академическому делу и расстрелян. Скульптурный портрет Пушкина поступил в Литературный музей Пушкинского Дома в 1949 году, а с 1953 года он хранится в фондах Всероссийского музея А. С. Пушкина. Историю бытования бюста в 1930–1940-е годы еще предстоит реконструировать.

Конференция завершилась докладом П. А. Дружинина (Москва), в котором была рассмотрена история создания и бытования комплекса пушкинских реликвий — фрагментов одной из михайловских сосен, воспетых поэтом в стихотворении «...Вновь я посетил...». Докладчик проследил хронологию мемориализации остатков третьей сосны. В 1837 году А. И. Тургенев, говоря о пушкинских соснах на пути из Михайловского в Тригорское, предсказал, что они «для русских будут то же, что дерево Тасса над Ватиканом для Италии и для всей Европы». Именно после того, как в Риме у остатков дуба, в тени которого любил отдыхать Торквато Тассо, была установлена памятная доска, Г. А. Пушкин решил сохранить остатки третьей сосны в Михайловском. В начале 1899 года он подарил наиболее массивную часть ствола Пушкинскому музею Императорского Александровского лицея, а затем заказал несколько пресс-папье, история изготовления которых восстановлена П. А. Дружининым по архивным и печатным источникам. В докладе, кроме того, впервые описано неизвестное ранее пресс-папье, которое принадлежало Г. А. Пушкину и сохраняется ныне в частном собрании (Франция).

Программа «Дней Бориса Львовича Модзалевского в Пушкинском Доме» не ограничилась научными заседаниями.

29 мая в Большом конференц-зале института состоялся концерт-посвящение пушкинцам первого поколения. В исполнении известного петербургского пианиста и композитора, лауреата международных конкурсов, профессора Санкт-Петербургской консерватории Николая Мажары и Дарьи Мажары (скрипка) прозвучали сочинения Баха, Моцарта, Бетховена, Шопена, Сибелиуса, Чайковского, Мусоргского.

В тот же день в одном из выставочных залов Литературного музея Пушкинского Дома открылась юбилейная выставка «„Мой лучший опус“: Пушкинский Дом Бориса Львовича Модзалевского». Ее экспонатами стали музейные, книжные и рукописные раритеты, которыми обогатился Пушкинский Дом в результате трех «экспедиций» Б. Л. Модзалевского, предпринятых в 1900-е годы и заложивших незыблемый фундамент будущего академического учреждения: за личной библиотекой Пушкина в подмосковное имение внука поэта; в село

Тригорское Псковской губернии за библиотекой, которой пользовался Пушкин во время своей михайловской ссылки; наконец, в Париж, к А. Ф. Онегину — создателю и владельцу Пушкинского музея, завещанного Пушкинскому Дому. Камертоном выставки стал документальный сюжет, посвященный самоотверженной деятельности пушкинодомцев первого поколения, беззаветно спасавших и сохранявших памятники русской культуры в условиях безжалостного социального и академического быта 1917–1922 годов. Подлинные документы и реликвии из собраний Пушкинского Дома, лишь изредка на короткое время покидающие архивные и музейные хранилища, позволили

погрузиться в атмосферу первых 25 лет пушкинодомской истории, а часть докладов, прозвучавших на конференции, оказалась одновременно и своеобразным экскурсионным сопровождением ряда выставочных сюжетов.

Эмоциональной кульминацией «Дней Бориса Львовича Модзалевского» стало возложение цветов на могилу основателя Пушкинского Дома на Смоленском православном кладбище, где настоятелем храма Смоленской иконы Божией Матери протоиереем Евгением Шогеновым была отслужена панихида.

© Т. И. Краснобородько,

© В. В. Турчаненко

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-267-271

### ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ФОЛЬКЛОР И КНИЖНОСТЬ»

13–14 июня 2024 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась всероссийская научная конференция с международным участием «Фольклор и книжность», посвященная памяти фольклориста и исследователя древнерусской книжности Андрея Николаевича Власова (1955–2023), заведовавшего Отделом русского фольклора ИРЛИ в 2009–2023 годах.

Открывая конференцию, директор ИРЛИ В. В. Головин отметил, что А. Н. Власов был не только интересным ученым, но и талантливым организатором науки и наставником молодежи: он создал научные школы в Сыктывкаре и Петербурге, открыл лабораторию фольклорно-археографических исследований при Сыктывкарском университете, собрал ценный фольклорный материал в ходе своих многочисленных экспедиций со студентами и коллегами, воспитал целую когорту учеников. Головин пожелал сотрудникам Отдела русского фольклора успехов в продолжении того дела, которому А. Н. Власов уделял большое внимание в последние годы своей жизни, — в издании «Свода русского фольклора».

В начале конференции прозвучали доклады, посвященные разным аспектам деятельности А. Н. Власова. Т. С. Канева (Сыктывкар) представила его записи в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета, основу которому положила собирательская и научно-организационная работа ученого. В докладе были охарактеризованы первые архивные собрания, ставшие результатом участия начинающего фольклориста Власова в экспедициях Ленинградской консерватории в Верхнетоемский и Пинежский районы Архангельской области (1981, 1982 годы), а также личные материалы (конспекты лекций, наброски статей, планы науч-

но-исследовательской и методической работы лаборатории и т. д.). Отдельное внимание было уделено экспедиционным дневникам А. Н. Власова этих лет, в частности фрагменту полевого дневника, сохранившему сведения о поездке в Усть-Цильму летом 1981 года. Докладчица отметила, что важной задачей ближайшего будущего является формирование коллекции А. Н. Власова в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета — одном из наиболее значимых его научных достижений.

Е. А. Рыжова (Сыктывкар) рассказала об открытии под руководством А. Н. Власова старобрядческого центра книжной и традиционной культуры в Удорском районе Республики Коми (в бассейне р. Вашки), уникальность которого обусловлена языковым и культурным билингвизмом его населения. Итогом пяти фольклорно-археографических экспедиций в течение 1987–1999 годов, обследовавших 15 населенных пунктов, стали территориальные собрания старопечатных и рукописных книг XVII–XX веков (58 и 33 ед. хр.) в Научной библиотеке Сыктывкарского университета и Удорское собрание в Фольклорном архиве. Материалы этих собраний вошли в ряд публикаций, в настоящее время описание и изучение удорского материала продолжается. В докладе прозвучали и воспоминания о личных качествах А. Н. Власова — его «универсальности» как собирателя, доверии к начинающим исследователям, профессиональном азарте и умении вдохновить окружающих на работу.

Е. А. Дорохова (Москва) сообщила о нереализованном замысле совместной с А. Н. Власовым книги, которая должна была стать закономерным шагом в научной биографии ученого. Монография предполагала междисциплинарное исследование проблемы, обозначенной

**Наталья Аркадьевна Прозорова**

старший научный сотрудник  
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

**Natal'ia Arkad'evna Prozorova**

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),  
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3828-4080

arhivistka@mail.ru

**СЕДЬМОЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА  
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»**

**RUSSIAN LITERATURE IN THE SOVIET ERA  
SEVENTH RESEARCH SEMINAR**

*[Meeting Abstract]*

**Татьяна Ивановна Краснобородько**

ведущий научный сотрудник  
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

**Tatiana Ivanovna Krasnoborod'ko**

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),  
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9841-3193

tak204@yandex.ru

**Владимир Владимирович Турчаненко**

младший научный сотрудник  
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

**Vladimir Vladimirovich Turchanenko**

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),  
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0573-4583

vladimir.turchanenko@mail.ru

**ДНИ БОРИСА ЛЬВОВИЧА МОДЗАЛЕВСКОГО  
В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ**

**THE DAYS OF BORIS LVOVICH MODZALEVSKY  
IN THE PUSHKIN HOUSE**

*[Meeting Abstract]*